

А. А. Хисамутдинов

СОВЕТЫ ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА ИВАНОВА МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ЭМИГРАНТОВ

В годы Второй мировой войны в Шанхае существовало немало просоветских организаций. В марте 1937 года здесь открылся «Клуб граждан СССР», или «Советский клуб». На открытии присутствовало 300 советских граждан. «Под конец церемонии, — писала газета «Новая заря», — хор исполнил ходячий в СССР марш “Веселых ребят”. В клубе помещается библиотека и читальня, а также комната “Советская выставка”. Во время последовавшего ужина играл оркестр джаз, под который советская молодёжь усиленно танцевала фокстроты и блюз». Президентом клуба был инженер С. И. Данилевский. Ранее он занимал должности начальника технического отдела КВЖД и товарища председателя Советско-китайского правления КВЖД. Во время конфликта в 1929 году Данилевский подал в отставку и уехал в Дальний, но затем вернулся в Харбин, а оттуда переехал в Шанхай. После него клуб возглавлял артист К. П. Сычев-Данилевский. Секретарём правления, председателем отдела молодёжи был И. В. Колотозашвили.

В конце сентября 1937 года открылся шанхайский Союз возвращенцев (репатриантов), который повторял структуру подобной организации во Франции. Он работал в тесном взаимодействии с Генеральным Консульством СССР, имел свой клуб с читальным залом, где всегда были свежие советские издания. Председателем в 1937–1938 годах был журналист и поэт Н. Ф. Светлов, который также являлся членом комитета по репатриации и редколлегии газеты «На Родину» («Back to the Fatherland»), органа Союза репатриантов.

Начало Великой Отечественной войны вызвало большую волну патриотизма среди шанхайцев. В 1942 году шанхайское издательство «Эпоха» опубликовало сборник «Своей дорогой», который посвятило эмигрантской молодёжи [2]. Он был выявлен в русской коллекции Гавайского университета. Интересные мысли в статье «Русская молодёжь в Шанхае» высказал известный журналист Всеволод Иванов [1].

Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) опубликовал немало книг в Китае. На некоторых лежит отблеск его политических пристрастий. В 1931 году он принял гражданство СССР. Судя по его публикациям, в мае 1936 года он перешёл на просоветские позиции, став сотрудником газеты «China Daily Herald» (до 12 октября 1937 г.), публиковался в газете «Новости дня»

(1936–1937 гг.), затем занял должность главного редактора журнала «Мой журнал» (7 ноября 1937 г.). Статья Иванова, опубликованная в этом сборнике, имеет важное значение в понимании, почему многие эмигранты в Китае стали советскими гражданами.

Всеволод Никанорович писал: «Много лет тому назад в России явилась пьеса “Дети Ванюшина”. Она совершила тогда триумфальное шествие по всей стране, и до сих пор не сходит с советской сцены. Кто не знает этой пьесы, этой трагедии “отцов и детей”? Когда в финале пьесы купец Ванюшин, все время занятый своими “делами” — обращает наконец внимание на “младшее поколение”, он видит, что выросли какие-то чужие люди.

— Откуда вы, такие? — спрашивает он.

И его юноша-сын отвечает отцу знаменитым монологом:

— Мы сверху! Вы родили нас и отослали наверх, в мезонин, вы поручали нас учителям, гувернанткам, и нечего не знали о нас!..

Эта пьеса вспомнилась мне, когда я на днях читал статейку в местной газете о “Русской молодежи”.

— Да откуда вы, такие, взялись? — изумляются взволнованные газетные папаши. — Почему вы не с нами?

Почему же молодежи “быть с ними”? Разве эти “отцы” вели ее, руководили ею? Разве они пользуются авторитетом в ее глазах по части знания того, что происходит там дома, на родине?

Анонимный публицист, кипя и брызжа, как самовар, впрочем, утверждает, что “отцы” “знают Россию”, а молодежь только “чувствует”:

— Отцы видят, понимают, не только чувствуют, молодежь же не знает СССР и лишь чувствует Россию, — пишет он.

Неужели вы серьезно думаете, что “отцы понимают СССР”?

Обложка сборника. Из русской коллекции Гавайского университета

Если говорить об отцах, то прямо удивительно, до чего, в общем, “старшее поколение” не знает СССР, да и вообще не интересуется этой страной. На днях ехал я как-то в трамвае, развернул “Правду”, читаю. Сидевший рядом папаша какого-то отпрыска приклонился к моему газетному листу, стал читать и, наконец, обратился ко мне с вопросом:

— А разрешите спросить, какая это газета?

— Московская!

— А ее можно читать?

— А сколько угодно!

— А где же ее достать?

— Там-то и там-то... И стоит всего четвертак, дешевле местных газетных грибов...

Надо признать, что доселе в Шанхае как-то в доблесть ставится известному слою старого поколения ничего не читать и ничего не знать о Советском Союзе, о том, что там делается, строится, говорится, пишется и т. д. Людей, читающих советские газеты, жмут, берут на подозрение и даже клеветают на них работодателям. Духовенство ведет открыто свою проповедь против чтения советских газет, как против смертного “греха”. Попробуйте достать в местных библиотеках книгу об СССР; это вам удастся лишь случайно, а журнала или газеты никогда не достать. Все это было “запрещено”, и невежество в отношении родины многими культивировалось очень усердно.

Впрочем, признаем и то, что для многих заскорузлых эмигрантов вовсе не читать советских газет было гораздо спокойнее, чем их читать; есть какой-нибудь маломальский заработок, есть иногда рюмка водки, сиди и рассказывай о великольном прошлом, развертывай увлекательные воспоминания о славных походах, об удачных удираньях от страшных “большевиков”.

Как капуста в погребе, так в душах папаш, хвативших горького белого хмеля гражданской войны, квасится доселе острая оскомина, хранится травма 1918–20 годов. Но выбрасывать это проквасившееся воспоминание жалко! Ведь как ни как — молодость! Что поставишь вместо этих прокислых кадок? Шанхайскую безотрадность? Люкавей¹ в перспективе? И вот —

Как белый камень в глубине колодца,

В моей Душе лежит воспоминанье...

И еще одно. Ежели эти устаревшие воспоминания пересмотреть и выкинуть в мусорный ящик, как “аннулированные”, то что же останется с

¹ Кладбище Люкавей (Лю-Кавей) в Шанхае, где было похоронено немало русских шанхайцев.

условной иерархией Шанхая, которая до сих пор удивительным образом сохраняется?

Если, например, у меня нет 100 000 рублей — то я НЕ МОГУ БЫТЬ “купцом 1-й гильдии”; но если у меня нет ни одного солдата, а только престарелая и непреклонная супруга, то все же я рассудку вопреки, наперекор стихиям — остаюсь “ваше превосходительство”. А для “превосходительства” нужен фон, нужно блистательное общество, нужны те, которые, как говорят, “отвечают на приветствие”. И вот, во дворах некоторых учебных заведений мы иногда видим, как к бедным, плохо кормленным русским ребятишкам в погончиках подсакивает на старой кобыленке какой-то дядя, бодро “здоровается” по-военному и затем встречает “подвысь” духовное начальство.

Один умный бородач сказал мне однажды:

— Эмиграция живет вожделием о том, что потеряла!

Истинная правда! И до тех пор, пока в Шанхае был кое-какой скудный хлеб, то можно было жить, отворотясь в угол, тая свои мечты, “что все скоро кончится” и жизнь будет “такая же, какая была”. В сущности, только теперь, одновременно с тяжелым положением иностранного труда в Шанхае, в рядах “отцов” начинает распространяться паника:

— А что же дальше? Что делать? Как жить?

И тут мы наблюдаем примечательное явление: “отцы” начинают признавать авторитет молодежи, начинают прислушиваться к тому, что она говорит. И многие неприступные дотоле позиции эмигрантских отцов падают, как карточные домики перед веселым взглядом детей.

— Отстали, папаша, от жизни! Молодежь давно уже смотрит туда, на Запад, в Москву, в обетованную страну, откуда вы, Моисеи, наоборот вывели нас в двадцатипятилетнее странствование... Молодежь давно решила этот вопрос, который только теперь встал перед вами...

Молодежь. Давайте, уважаемые читатели, оговоримся:

— Какая же это “молодежь”?

Ведь это же давно все взрослые люди, пусть они выехали из России мальчонками и девчонками, пусть большинство родилось в Харбине, пусть России, ни старой, ни новой, они не видели. Но они видели многое другое.

Здесь они видели работу китайского народа, как работу и других народов, которые живут, борются и каждый добивается своей цели.

Начнем прямо с того, что молодежь русского зарубежья теперь никак не согласна занимать “вочманские” (охранник. — А. Х.) или другие второсортные посты в жизни, на что охотно соглашались их папаша. Они учатся, по

возможности, в иностранных школах, чем утверждают, что русские школы “папаш” здесь сплошное убожество. Во многих случаях русская молодежь в иностранных школах превосходит успехами детей иностранцев. Она также хочет иметь свое “отечество”, не желая оставаться человеком без страны, гражданином “второго сорта” какого-то ныне покачнувшегося международного города.

Если папашам достаточно только одних воспоминаний о своем отечестве, то детям этого мало. Дети больше не хотят пережевывать рассказы об отцовских отступлениях и неудачах, страхах и удираниях; нет, они совершенно не восхищены такими авантюрными “беженскими” эпопеями: они хотят знать свою страну, хотят любить ее. И они бестрепетно обращаются к газетам, к книгам. Они смело идут, наконец, прямо в Советское консульство. И это явление началось не теперь. Оно началось уже давно.

Еще в 1936 году, в связи с возможным нападением Гитлеровской Германии на Советский Союз — здесь дало сильные ростки так называемое оборонческое движение. Оно обсуждалось очень оживленно в эмигрантских изданиях, и здесь, и в Европе. Такие эмигрантские организации, как, например, “Младороссы”, становятся на ту же “оборонческую” точку зрения и вместе с тем начинают пересматривать свое отношение к своей стране. И как следствие этого — они вновь находят Родину. Начинается здесь, в Шанхае, так называемое возвращенческое движение: Союз возвращенцев в одно время имеет в своих списках до 500 человек. Небольшое помещение на Ловлэйн, 105, кишит народом. Начинает выходить неплохая газета “На Родину”, и т. д. Только наступившие условия военного времени на Дальнем Востоке заставили эту возвращенческую работу сойти на нет. Зато гитлеровское нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года отбросило всяческие формы и двинуло публику прямо в местное Советское консульство.

В последние дни там было особенно много народу. Все они шли туда не потому, что были завлечены в какие-то “сети интриг, уловлявших юные души”, как злобно об этом шипит газетный аноним. Люди просто чувствуют, что у них есть Родина, и стремятся к ней. Чего проще и естественнее?

Это достойное движение среди эмиграции разгорается сейчас сильнее, потому что на Родине идет великая война, и, конечно, никому, кроме отпеченных или пропитых голов с захватчиками-немцами, не по пути.

Молодые русские души и умы чувствуют, как героически дерется русский народ, как он бьет этих захватчиков, как он могуче организован, видят, как героически бьется Красная армия, следуя традициям наших славных предков

Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова. Что же, скажите, пожалуйста, молодежь должна делать? Огорчаться? Говорить, что жалко, что бьют слепых шовинистов-гитлеровцев, мечтающих поработить весь мир? Нет, русский русскому — друг и брат!

Чувство народной гордости естественно присуще каждому. Нам, русским, есть чем гордиться! В трудную минуту, когда решаются национальные судьбы русского народа, русская эмиграция, как по рельсам, подкатывает к дверям Советского консульства.

И как там ее встречают? Конечно, неплохо. Больше десяти лет прошло, как умер великий поэт Маяковский, а и он писал тогда в своих стихах:

Я белому руку, пожалуй, подам,
Пожму, не побрезговав ею,
И только скажу: — А здорово вам
Наши намылили шею!
Только и всего!

Я могу все это писать потому, что и сам из эмиграции, сам бродил по ее печальным дорогам: мне понятны эти тревоги и волнения, когда вы беретесь впервые за ручку тяжелой консульской двери, знакомы “друзей сожаления, врагов торжество”... Но, ей-богу, все стоит пережить, чтобы получить отечество, и к тому же такое замечательное отечество, как Советский Союз, до краев полное сильных, деятельных и умных людей!

В эмигрантской интеллигенции этот вопрос о детях был поставлен давно, и “отцы” давно уже выявили свое идеологическое бессилие. Приведу пример. В мае 1935 года в Харбине состоялся диспут о “Нашей Смене”, в котором участвовали проф. Гинс², проф. Зайцев³, В. В. Кибардин⁴, Н. Я. Морев⁵, проф. Никифоров⁶, иеромонах Нафанаил⁷, А. Я. Слободчиков⁸, проф. Энгельфельд⁹, пишущий эти строки и др. Первый тезис гласил:

— Что делать, чтобы поддержать преемство между старшим и младшим поколениями?

Очень хорошо помню, какой несусветной ерунды наговорили тогда эти харбинские “ученые”. Проф. К. И. Зайцев особенно. Он звал ни к чему

2 Гинс Георгий Константинович (1887–1971, Беркли, США).

3 Зайцев Кирилл Иосифович (1887–1975, Джорданвилль, США).

4 Кибардин Владимир Владимирович (1902–1978). Репрессирован.

5 Морев Николай Яковлевич. Депортирован в 1945 г. Убит при попытке к бегству.

6 Никифоров Николай Иванович (1886–1951). Депортирован, умер в лагере.

7 Нафанаил (в миру Львов Василий Владимирович) (1906–1986, Мюнхен).

8 Слободчиков Александр Яковлевич (1875–1946, Шанхай).

9 Энгельфельд Владимир Викторович (1891–1937, Харбин).

другому, как к восстановлению Руси Ивана Грозного! — Назад! — кричали они, назад! Проф. Гинс утверждал, что нужен “Култ Св. Руси в ее старомосковском понимании”.

Присяжный поверенный А. Я. Слободчиков говорил, что нужна “школьная реформа”, начиная от введения ранцев, обязательного посещения богослужений и раздельного обучения юношей и девушек! (цитирую по отчету в “Рупоре” от 25.05.1935). Игумен Нафанаил советовал “распространять скаутизм при православных храмах”. И только представитель молодежи Н. Я. Морев сказал, что “если погибнет Россия, погибнем и мы”, что “без России — нет и нас”.

Прошло шесть лет, мне остается только повторить мои тогдашние слова, что пусть молодежь будет уверена, что она права в своих исканиях, что Россия не кончится в своей великой истории оттого, что несколько десятков милостивых государей сидят в эмиграции и брюзжат, обращаясь в “албазинцев”. Пусть она будет уверена, что там, дома, наш талантливый, сильный и добрый народ, под руководством своих вождей, строит небывало прекрасное Советское государство, которое сменило собой в последовательном ряду нашей истории и Московскую Русь, и Петербургскую Империю. И в этой уверенности — пусть все те, кто может без злобы относиться к эмигрантской молодежи, ищущей новых путей, получают силы и жить, и трудиться для своего народа» [1].

Помимо В. Н. Иванова, в сборнике приняли участие Николай Светлов¹⁰ («Записная книжка»), Николай Фёдоров¹¹ («История одного письма») и другие.

После окончания Второй мировой войны положение русской эмиграции несколько изменилось. Если раньше она делилась на определённые группы по политическому принципу: советские и просоветские, младороссы, фашисты и белоэмигранты, то теперь наблюдалась общая тенденция к получению советских паспортов. Из общего числа эмигрантов около 15 тысяч 10 тысяч имели советское гражданство. В это время был реорганизован «Клуб советских граждан» и выработан устав Общества советских граждан в Шанхае. Происходило разделение на группы в материальном отношении. Предприниматели жили очень хорошо, служащие обладали неплохим достатком, нищим помогали благотворительные организации. До 1946 года существовала дискриминация в размере заработной платы лиц разных национальностей. Часто квалифицированные русские работники получали за свою работу

¹⁰ Светлов (Свиньин) Николай Фёдорович (1909–1970-е, СССР).

¹¹ Фёдоров Евгений Александрович (1873–1945, Шанхай (?)).

меньше, чем англичане или французы, хотя и больше, чем китайцы. Как правило, им не давали долгосрочных отпусков, относились часто пренебрежительно, ставили в ночные смены или же давали невыгодные подряды.

В феврале 1945 года, репатриировавшись в Советский Союз, Всеволод Никанорович Иванов жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов, В. Н. Русская молодёжь в Китае // Своей дорогой : (О русской эмигрантской молодёжи) : [сборник]. — Шанхай : Эпоха, 1942. — С. 21–30.
2. Своей дорогой : (О русской эмигрантской молодёжи) : [сборник]. — Шанхай : Эпоха, 1942. — 38 с.

Фотография предоставлена автором.